

единения были правящие круги более монолитного Абхазского царства, поддерживавшие Баграта III, тогда как азнауры Картли и Тао, опираясь на помощь Византии, всячески препятствовали объединению. Такая концепция позволяет автору дать новое истолкование грузино-византийских отношений при Давиде Куропалате и Василии II: хотя первоначально Давид предполагал сделать Баграта III, царя Абхазии, своим наследником, в дальнейшем он передал Тао Византии, — по всей видимости, под давлением азнауров, недовольных политической линией «абхазского царя», стремившегося подчинить Картли абхазской администрации (с. 136—138). В XI в. западногрузинская (абхазская) знать, как правило, поддерживает царя, тогда как действующий в тесной связи с Византией противник централизации Грузии Липарит Багваши становится правителем Картлийского и Месхетского княжеств (с. 147).

С конца XI в. тенденции к централизации в Грузии явно берут верх над сепаратистским (партикуляристским) устремлением феодальных синьоров. Меликишвили связывает это с усилением военно-паразитических начал в условиях постоянной военной борьбы, наступления на соседние мусульманские страны, притока добычи, дани, пленных, превращения войска (особенно наемных — осетинских и половецких — отрядов) в самостоятельную силу. «Подобная ситуация как будто должна была способствовать централизации внутри государства, переходу страны на рельсы если не азиатского, то во всяком случае византийского феодализма, для которых характерно наличие привилегированного класса в основном в виде военно-служилой аристократии, сохранение основной массой народа статуса юридически свободных людей и т. д.» (с. 153). Однако централизация оказалась в Грузии недолговечной: развитой институт частной собственности, давние традиции индивидуального хозяйства, а также наличие множества замкнутых территориально-племенных объединений определили ход феодального развития Грузии по западноевропейскому пути.

В свете такой расстановки сил Меликишвили интерпретирует борьбу вокруг супруга царицы Тамары Юрия, сына Андрея Боголюбского, изгнанного в 1187—88 г. Воспитанный на Руси, Юрий Андреевич выступил против того засилья феодальной знати, которое утвердилось при дворе Тамары. На стороне Юрия оказалась преимущественно Западная Грузия, область менее интенсивной феодализации, тогда как Тамару поддерживали феодалы Восточной Грузии и Северной Армении, а также половецкие отряды. Поражение Юрия знаменовало по сути дела неудачу централистских тенденций — синьоры-«дидебулы» стали превращаться в суверенных князей (с. 155—158).

Монолитность Абхазского царства явилась основным фактором, обеспечившим объединение феодальной Грузии в XI—XII вв. А это в свою очередь «обусловило довольно раннее образование в Грузии крупной народности, вобравшей в себя все стоящие близко друг к другу этнические группы»². Грузинская народность не потеряла своего единства даже в условиях общего партикуляризма, восторжествовавшего в XIII в.

А. К.

J. Darrouzès, Deux lettres inédites de Photius aux Arméniens. — REB, XXIX, 1971, p. 137—181

С середины IX в. Византийская империя заметно активизировала свою политику в Армении, находившейся еще под арабским владычеством. Отражением этого явилась, в частности, переписка, которую вел с армянами патриарх Фотий (858—867 и 877—886). Фотий понимал, каким препятствием для осуществления византийских планов в Армении являлся конфессиональный партикуляризм армян, и предпринимал настойчивые попытки привести армян в лоно имперской церкви. Переписка велась вокруг основного вопроса, который разделял армян и ромеев, — отношения к Халкидонскому собору и соответственно признания у Христа одной или двух природ.

² Меликишвили Г. А. Указ. соч., с. 11.

До недавнего времени были известны следующие документы армяно-византийских отношений, так или иначе связанные с патриархом Фотием: а) послание Фотия армянскому католику Захарии. Послание сохранилось в составе своеобразного досье материалов на армянском языке, относящихся к церковному собору в Ширакаване 862 г.; б) послание Фотия князю князей Великой Армении Ашоту Багратуни, ответ Ашота и ответ Никиты Византийца на послание Ашота, написанное по поручению Фотия. Первые два послания сохранились на армянском языке, третье — на греческом¹. Отметим, что названные документы продолжают оставаться предметом дискуссии: подвергается сомнению подлинность послания католику Захарии, ведутся споры относительно времени переписки с Ашотом Багратуни.

Своей публикацией Ж. Даррузес вводит в научный оборот еще два послания Фотия. Первое из них озаглавлено в рукописи «О ереси теопасхитов» и адресовано светскому лицу, второе — «Послание к армянам», адресатом является духовное лицо (далее — письмо I и письмо II). Оба письма извлечены из рукописи Atheniensis B. N. 2756, лл. 120 б.—169 б. и 169 б.—176 б., которая датируется XIV в. (REB, XII, 1954, p. 183—186). Письмо I опубликовано с большой купюрой (лл. 122 б.—168 а. рукописи). Конец письма II, по мнению издателя, не сохранился. Издание сопровождается французским переводом. Подлинность обоих писем сомнений не вызывает, при этом грамоты дошли до нас на языке оригинала. Как и следовало ожидать, основное содержание обоих посланий по преимуществу догматическое, но в них имеются указания, важные также для понимания политических моментов.

По определению Ж. Даррузеса, письмо II адресовано католику Захарии Дзагеци (855—876), оно отправлено после Ширакаванского собора 862 г., но около этого времени. Письмо проникнуто недовольством по поводу того, что основная масса армян, в том числе и адресат, продолжают упорствовать в своих заблуждениях, т. е. отказываются принять халкидонитство. Письмо II — одно из нескольких посланий, направленных Фотием Захарии Дзагеци.

Из письма I выясняется личность посланца Фотия, доставившего в Армению грамоту патриарха и присутствовавшего на Ширакаванском соборе. Это Иоанн, архиепископ фракийского города *Ники* (а не митрополит *Никеи* Ваан, как это следовало из некоторых армянских известий²). Фотий утверждает, что благодаря его призыву (подобного призыву, содержащемуся в данном послании, уточняет он) и в результате деятельности архиепископа Иоанна часть армян обратилась в халкидонитство и соответственно исправилась (с. 141.15—20). Помимо данного письма, пишет Фотий, он отправил грамоту Захарии и армянам-ортодоксам: «ты, разумеется, знаешь, что я говорю о таронитах, проживающих в Четвертой Армении» (с. 147.25—28). Отметим, что об успехах византийской пропаганды в Тароне можно было судить и по другим признакам, но этот пассаж — единственное конкретное указание на наличие в Тароне значительной массы армян-халкидонитов.

По мнению Ж. Даррузеса, получатель этого письма — князь князей Ашот Багратуни. Так же как и второе, оно было отправлено вскоре после 862 г. Действительно, датировка этого послания временем, близким к Ширакаванскому собору (во всяком случае, первым правлением Фотия, завершившимся в 867 г.), представляется наиболее вероятной. Вполне вероятным представляется также определение адресата письма II как католика Захарии Дзагеци. Что же касается личности получателя письма I, то в этой части выводы издателя вызывают сомнение.

Фотий информирует своего корреспондента, что он надеялся на успех своего предприятия. Обращение в истинную веру прочих именитых армян, явившееся результатом как его, Фотия, первых призывов, так и деятельности архиепископа Иоанна, заставляет автора задуматься над лучшими качествами адресата (с. 141.15—20). Эта фраза могла быть обращена скорее к лицу, стороннему к деятельности Ширакаванского собора, чем к Ашоту Багратуни, бывшему там, наряду с католиком, центральной фигурой. Сопоставление письма I с перепиской Фотия и

¹ PG, t. 105, col. 487—665; ППС, XI, вып. 1, 1892, с. 179—226, рус. пер., с. 226—279.

² См.: Grumel V. L'envoyé de Photius au catholicos Zacharie: Jean de Nikè. — REB, XIV, 1956.

Ашота, известной на армянском языке (по мнению Ж. Даррузеса, и эта переписка имела место около 862 г.), также наводит на раздумья. Если предположить, что эта переписка происходила до письма I, тогда мы вправе допустить, что это письмо является ответом на грамоту Ашота и что именно ее имел в виду патриарх, говоря о послании своего корреспондента, что оно длиннее «Илиады» и пространнее печальных трагедий (с. 147.21—23). Но текст этой грамоты уместается всего на 13 страницах обычного формата «Палестинского сборника». При самом пылком воображении объем ее не может вызвать ассоциации с 15 700 стихами гомеровской поэмы. Главное же, нам известен ответ на послание Ашота. Это сочинение Никиты Византийца, написанное от имени Фотия и содержащее множество цитат из грамоты Ашота. Своим враждебным тоном оно резко отличается от письма I.

Допустим, далее, что переписка с Ашотом Багратуни происходила после письма I. И в этом случае отождествление адресата этого письма с Ашотом весьма затруднительно. Фотий, как правило, не упускает случая сослаться на предшествующую переписку с тем или иным корреспондентом. В своем послании Ашоту он напоминает, что несколько раз писал католикосу, но ничего не говорит о какой-либо переписке с самим Ашотом. По всем признакам, это первая грамота константинопольского патриарха, направленная князю князей Армении.

Мне представляется, что адресат письма I не может быть отождествлен с Ашотом Багратуни и остается пока анонимной фигурой. Фотий замечает, что его знатный адресат возлюбил общее для всех христиан царство, т. е. Византийскую империю, с глубокой страстью и с намерением ей подчиниться (с. 153.12—14). По-видимому, это один из армянских князей, который почувствовал новые веяния и, не уступая в вероисповедных вопросах, принял византийскую ориентацию.

Письма Фотия, опубликованные Ж. Даррузесом, — важный и в то же время трудный для полного понимания источник. Настоящие заметки не претендуют на окончательное решение поставленных здесь вопросов. Но как бы их ни трактовать, образцовая публикация Ж. Даррузеса представляет безусловный интерес как для византиноведения, так и для арменистики.

К. Ю.

Б. Ферьянчић. Тесалија у XIII и XIV веку. Београд, 1974, XIV+305 с., карта

Один из важных пробелов византиноведческой научной литературы — отсутствие надежных исследований по локальной истории. Скудость источников по истории провинции заставляет византиноведа мыслить чересчур общими понятиями, распространяя подчас на всю территорию империи наблюдения, относящиеся к какому-то конкретному району. Только в последние годы стали появляться серьезные очерки географии, экономики и политико-административной истории отдельных областей империи ромеев¹. К числу таких монографий относится и труд югославского ученого Б. Ферьянчића о Фессалии XIII—XIV вв.

Фессалия играла весьма важную роль в политической жизни поздней Византии, особенно в XIV в., однако источники по ее истории, прежде всего по ее хозяйственной жизни, крайне скудны; так, Ферьянчић может привлечь лишь несколько грамот для характеристики положения фессалийских крестьян (с. 80—84) и довольно ограниченные материалы о венецианских интересах и владениях в Фессалии (с. 153—164). Можно ли ждать в дальнейшем расширения круга источников по этой теме? Еще Х. Г. Бек писал о неизданных проповедях ларисского епископа Антония: «Они представляются ценными для истории византийской провинции»². Возможно, что большего (во всяком случае для истории фессалийского

¹ Здесь в первую очередь следует назвать работы Э. Арвейлер о Смирне (ТМ, I, 1965, р. 1—204) и П. Лемерля о Восточной Македонии (*Lemerle P. Philippines et Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Paris, 1945*).

² *Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 774.*